

**РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СЕМИНАР ИСТОРИКОВ
«1617 / 1917: РУБЕЖИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА»
(ПЕТРОЗАВОДСК, 7—8 СЕНТЯБРЯ 2017 г.)**

**THE RUSSIAN-FINNISH SEMINAR OF HISTORIANS
1617 / 1917: LANDMARKS OF TIME AND SPACE
(PETROZAVODSK, SEPTEMBER 7—8, 2017)**

**СТОЛБОВСКИЙ МИР В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ
TREATY OF STOLBOVO IN THE HISTORY OF RUSSIA AND FINLAND**

СЕЛИН Адриан Александрович / SELIN Adrian

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
aselin@hse.ru

**СТОЛБОВСКИЙ МИР И ВЫХОД ИЗ СМУТЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ*
TREATY OF STOLBOVO AND THE END OF THE SMUTA IN THE RUSSIAN
NORTHWEST**

Abstract: The article is focused on the Novgorodians' relations with both the Swedes and Moscow during the turbulent 1610s. It traces Novgorod's way out of the Smuta until the conclusion of the Treaty of Stolbovo in 1617 and the establishment of a new border between Russia and Sweden.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Смута, Столбовский договор, 1617 г. / Russia, Smuta, Treaty of Stolbovo, 1617.

Смута, сильнейший политический кризис в Московском царстве начала XVII в., была не локальным, столичным событием, но охватила все города и уезды государства. В каждом крупном городе, в каждом большом районе наскоро сколоченного в XVI столетии и потому довольно некрепкого политического образования московских государей Смута проявлялась со своими особенностями.

Свой путь к Смуте был и у Новгорода Великого. Для этого города, одного из важнейших в Московском царстве, особенности политических битв были предопределены приграничным положением. К рубежу XVII в. вопрос о независимости города уже не стоял. Элиты города в течение более чем столетия московской власти неоднократно сменялись; социальная структура новгородского общества была сродни той, что существовала в других областях Московского государства. Ни о каком

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ (ОГОН РФФИ) № 15-01-00205/17-ОГОН «Русско-шведская граница в Ингрии XVII века: историко-географическое исследование».

воспоминании о «новгородских вольнолюбивых традициях» в указанное время речи быть не может. Но вот близость к Швеции, постоянное присутствие шведских торговцев, гонцов, а иногда и дипломатов высокого уровня, заметный интерес со стороны шведских политиков — всё это накладывало отпечаток на жизнь новгородцев. И в годы Смуты роль Швеции в жизни Новгорода проявилась особенно ярко. Граница со Швецией была для его жителей банальным явлением: шведов хорошо знали, многие простые обыватели, да и наиболее активные крестьяне часто ездили в приграничные районы с торговыми целями; это было вполне легально и не преследовалось, в особенности — после Тявзинского мира 1595 г., нормализовавшего отношения между странами.

Новгород к началу XVII в. был достаточно сложно организованным обществом. В нём проживало несколько тысяч посадских людей — ремесленников, дворников, купцов, просто домовладельцев. Они имели своё самоуправление — пятиконецких старост, выбиравшихся ежегодно; старосты же назначали посадских на разнообразные земские службы-повинности. В городе и во всей огромной Новгородской земле проживали также две или три тысячи семей служилых людей — тех, кого принято называть помещиками. Но эта группа была крайне разнообразной. Будучи потомками людей, которых переселяли в Новгород многими волнами, начиная с 1480-х гг., некоторые из них уже прочно связали свою судьбу с Северо-Западом; другие же стремились вернуться «на Низ», в «московские города». Они преимущественно жили не в городе, а в своих поместьях. В Новгородской земле существовали также «пригороды» — крепости Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Ладога и Корела со своими посадскими людьми. В Новгороде и в малых крепостях, а кроме того, в некоторых монастырях стояли стрелецкие гарнизоны, частью набранные из местных «охочих людей», частью приведённые из центральных районов страны. Около ста—ста двадцати человек служило в административном аппарате.

После заключения Тявзинского мира со Швецией в 1595 г. и произошедшего затем размежевания границ одним из важнейших вопросов политической географии восточной Балтики стал вопрос о коммуникации между шведскими владениями в Ливонии (преимущественно в Эстляндии) и в Финляндии. Сухопутная дорога между указанными территориями вела через северо-западную часть Новгородской земли — через Копорье, Ям и Ивангород, отвоёванные в 1590-х гг. московскими войсками. Открытие и закрытие этого пути для шведских гонцов, торговцев, воинских контингентов после Тявзинского мира стало во власти московских властей; шведские

же политики остро нуждались в прочной коммуникации между ливонскими и финляндскими владениями: шла война между двумя претендентами на шведский престол, Сигизмундом и герцогом Карлом Сёдерманландским (принявшим вскоре имя короля Карла IX). Когда после ослабления центральной власти в 1607—1608 гг. Новгород оказался оторван от Москвы и окружён отрядами сторонников тушинского Самозванца, со стороны шведских политиков стали выдвигаться предложения о военной помощи царю Василию Шуйскому.

Я не буду здесь подробно касаться обстоятельств, в которых Новгород оказался насильем принуждён в конце июля 1611 г. ко временному политическому союзу со Швецией. Распад Московского царства после свержения Василия Шуйского был коллапсом царства, построенного царём Иваном Васильевичем. Опиравшиеся на местные элиты новгородские власти, хотя и были плотью от плоти московских служилых людей, проявляли между тем всё большую и большую самостоятельность. То же происходило и во многих других частях государства.

В 1612 г. Новгород выступил как сторона переговоров во взаимоотношениях с соседями — Псковом, Каргополом, Белозерском, Устюжной. Контакты новгородских властей с воеводами и старостами этих городов — свидетельство своего рода политического «творчества», столь характерного для Смуты XVII в. События в Новгороде в 1611—1612 гг., успешный на первых порах контакт между новгородцами и шведами имели важнейшее значение для жизни других территорий российского Северо-Запада. Политический распад Московского государства после середины лета 1610 г. создал такую ситуацию, когда отдельные города вынуждены были строить особые отношения с соседями. Такие отношения носили сложный характер и серьёзно менялись в ходе развития политической жизни и постепенного утверждения власти правительства Михаила Романова. Летом 1612 г. руководители «Совета всей земли» в Ярославле вполне искренне желали избрания на престол одного из шведских принцев, оставаясь в контакте с новгородским правительством почти до самого избрания Михаила Романова¹.

В декабре 1612 г. король Густав Адольф принял решение отправить младшего брата в Выборг для встречи с новгородскими уполномоченными. Однако было уже поздно — в Москву уже съезжались выборные от «всей земли». Надо сказать, что их представительство было весьма неполным и новгородцы не имели на соборе своих

¹ Подробнее: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 31—242; *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков. СПб., 1999. С. 57—68.

выборных (как и жители многих других частей государства). Однако сведения о происходившем в Москве быстро попали в Новгород. И шведская администрация, и социально активные слои — дворяне и дети боярские узнали, что на московском соборе с помощью военного насилия (его степень сейчас сложно оценивать) была «продавлена» кандидатура Михаила Романова. Скоро эта весть дошла и до Стокгольма, но формальных сведений о царском избрании в Новгороде не было вплоть до лета 1613 г.

Принц Карл Филипп прибыл в Выборг лишь в июле 1613 г. Ожидая встретить там посланных от всего Московского государства, он увидел в Выборге только новгородцев. Миссия хутынского архимандрита Киприана, тщательно подготовившаяся к переговорам с будущим царём, не смогла, однако, найти точки соприкосновения со шведскими представителями. Карл Филипп шёл властвовать в Москве, в то же время новгородская делегация не поддержала шведских предложений о присоединении к королевству. После переговоров шведский принц 17 января 1614 г. уехал в Швецию.

Только к июлю 1613 г. новое московское правительство стало по-новому выстраивать отношения с новгородцами (и шведской властью). Летом 1613 г., несмотря на поражения под Тихвином и Гдовом, в Новгороде всерьёз готовились к встрече Карла Филиппа. В июле 1613 г. новгородцы отправили в Москву посольство отенского игумена Дионисия с предложением признать царем Карла Филиппа, но оно было задержано московским воеводой князем М. В. Белосельским по дороге, в Торжке.

В те же месяцы шведско-новгородский альянс (заодно со шведами в то время действовали ещё множество новгородцев) потерпел поражение под Тихвинским монастырём. Цепь военных обстоятельств и характер местности привели к захвату сравнительно небольшим отрядом хорошо укреплённого монастыря. Этот отряд, опираясь на поддержку некоторой части новгородцев, смог противостоять войскам Делагарди. Тихвинская победа стала, как пишет Олег Курбатов, первой победой царя Михаила Фёдоровича, а Тихвин на долгое время превратился в базу московских войск на новгородском направлении².

Второй победой, а точнее — второй удачей стал провал похода короля Речи Посполитой Сигизмунда на Москву. В тушинском стане в ноябре 1613 г. к нему приходили смоленские дворяне, сообщавшие о серьёзных ожиданиях в Москве, «лишь бы король дал нам в цари королевича». Победа, казалось, была близка, но король

² Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г.: Первая победа царя Михаила Федоровича. М., 2006.

повернул назад, потеряв под стенами Москвы своих считавшихся надёжными сторонников: в Москву отъехали князь Д. И. Мезецкий и дьяк Иван Грамотин.

Вскоре началось движение на Новгород войска князя Д. Т. Трубецкого. Это означало провал идеи об избрании на российский престол шведского принца, и активно продвигавший её Якоб Делагарди так и не стал «делателем царей». Поход боярина князя Д. Т. Трубецкого на Новгород был хорошо подготовлен идеологически. Ещё в октябре 1613 г. боярин отправил новгородцам послание, объявляя о цели похода. Именно из полевого стана князя Д. Т. Трубецкого в Новгород были посланы официальные сведения об избрании царём Михаила Фёдоровича. Точнее — не об избрании (об избирательном акте после прихода Михаила в столицу предпочитали не вспоминать, указывая чаще в качестве легитимации на его родство с прежней династией), а о том, что он — «на Москве». Новгородцам писали от князя Д. Т. Трубецкого (я позволю себе длинную цитату):

«По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу от боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да окольного и воеводы князя Данила Ивановича Мезецкого новгородским дворяном и детем боярским и государевых дворцовых сел и чорных волостей приказщиком и крестьяном и всяким людем. По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу идем мы на его государеву службу на очищение его царские отчины Великого Новагорода и новгородских пригородов от немецких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и с яицкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом. А ис Торшку, прося у Бога милости, пойдем мы со многими ратьми и с нарядом к Новугороду вскоре, и государевым делом и земским учнем над неметцкими людьми промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст»³.

Новгородцев призывали к тому, чтобы они, «помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Русии и ему, государю, служили и прямили и добра во всем хотели и с его

³ Грамота воеводы князя Д. Т. Трубецкого новгородцам, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613 г., октября (?): Государственный архив Швеции, Стокгольм — Riksarkivet (далее — RA). Militaria. 1287: 13

государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст»⁴.

Взамен новгородцам обещалось полное прощение и освобождение от насилий со стороны казаков и всего двигавшегося к Новгороду войска.

Идеологические памятники, возникшие после Смуты, утверждают, что в новгородцах в это время царило «единачество», характерное для умонастроений и в других городах во время Смуты. Все они стремились якобы для виду сохранять верность прежней присяге Карлу Филиппу, в душе надеясь на скорое возвращение под власть Москвы. Однако документы показывают, что такого «единачества» среди новгородцев не было. Безоговорочной поддержки у Михаила Фёдоровича в Новгороде не было. У части новгородской элиты в те годы преобладали раздумья и сомнения; говорить о всеобщем страдании от чинимого шведами насилия или о всеобщем прагматизме (хотя, вероятно, и то и другое в новгородской жизни того времени присутствовало), по всей видимости, не приходится.

Однако удача Трубецкому не сопутствовала. Военной победы его войску достичь не удалось. Пришедшие из-под Тихвина казаки не смогли удержать блокаду Ладоги зимой 1613—1614 гг. и ушли. В июне—июле полковник Самюэль Коброн нанёс два поражения русским на Мсте. К 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было отбито от Новгорода. Среди захваченных шведами пленных было много новгородцев, ранее бежавших в московские полки. Но тогда же, 14 июля 1614 г., большая группа новгородской элиты сумела покинуть объединённое новгородско-шведское войско и тоже вскоре оказалась на московской службе.

Осенью 1614 г. в шведские власти потребовали от новгородцев принести присягу королю Густаву Адольфу. Это вызвало резкое отторжение у значительной части новгородцев: с одной стороны, набирала популярность вроде бы укреплявшаяся в Москве власть Михаила Романова, с другой — требовалось отказаться от общей с Москвой судьбы, к чему значительная часть новгородцев не была готова. Эверт Горн, который сменил убитого в отпуск Якоба Делагарди, договорился об отсрочке принесения присяги до Пасхи. После этого было принято решение послать в Москву новую миссию. Посольство выполняло как явную (нормализация отношений с Москвой), так и тайную (установление контактов новгородской элиты с новым московским правительством) функцию. Посольство архимандрита Киприана в Москву

⁴ Там же.

в 1615 г. — один из самых важных этапов на пути замирения Московского государства и Швеции. Ожесточение предшествующего года было снято и путь к переговорам открыт.

С октября 1615 г. Москва и Швеция активно стремились к миру. Первые переговоры в Дедерине между Осташковом и Старой Руссой привели к размену пленными и временному перемирию (на три месяца, фактически военные действия не возобновлялись), окончательные переговоры о мире было намечено провести на полпути между Ладогой и Тихвином. Их назначили на конец лета 1616 г. Переговоры на Песках, а позднее — в Столбове, с московской стороны возглавили окольный князь Д. И. Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин, со шведской — Якоб Делагарди. Делагарди, встречавшийся с князем Мезецким в канун Клушинской битвы, сперва полностью отверг его кандидатуру, ожидая в качестве партнеров по переговорам бояр Ф. И. Шереметева или князя И. С. Куракина, но был вынужден согласиться в конце концов на Мезецкого. Примерно так же московские послы поначалу отказывались от кандидатуры Делагарди, ожидая в качестве послов риксканцлера Акселя Оксеншерну или Хенрика Флеминга.

Говоря о переговорах в Дедерине, обратим внимание на повальное бегство из шведского стана в московский лагерь новгородцев, а также шведских и финских солдат. Среди бежавших был швед-переводчик Арн Бук. Единственное движение в обратном направлении — бегство в лагерь шведских переговорщиков новгородца Михаила Афанасьевича Клементьева, свойственника посольского дьяка Петра Третьякова⁵. Качество информации у Москвы было гораздо выше, чем в шведском лагере; в то же время источником этой информации были аккумулируемые разными способами слухи.

В то же время в конце 1615 г. началось насильственное приведение новгородцев к присяге королю Густаву Адольфу, отказывавшиеся же присягнуть облагались чрезвычайными денежными поборами. Борьба шла уже не за Новгород, который, как было очевидно, возвращался под власть Москвы, но за души новгородцев. В ноябре 1616 г. Делагарди послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина да Сенку Игумнова да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать

⁵ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева: (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1992. Вып. 4 (14). С. 128—131.

на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве»⁶.

Переговоры начались с большим опозданием, в ноябре 1616 г., при посредничестве английского представителя Джона Меррика. Спор шел о том, какую часть территории следует передать Московскому государству и какая компенсация должна быть получена Швецией. Обе стороны активно стремились к скорейшему окончанию противостояния, и вскоре компромисс был найден. В Московское царство возвращались Новгород, Порхов, Старая Русса и Ладога; Швеция удерживала за собой Корелу (по Выборгскому договору 1609 г.) и в придачу — Ивангород, Ям, Копорье и Орешек (Нотебург) с уездами. Новгородским дворянам и жителям городов разрешалось выбрать себе место жительства (в течение двух недель), крестьянскому населению покидать свои деревни воспрещалось. Москва выплачивала Швеции изрядную контрибуцию, средства на которую были получены частично от Англии, заинтересованной в мирных отношениях в данной части Европы. Надо сказать, что Столбовский мир — это одно из соглашений, в значительной степени определившее английскую политику на Востоке. Если оценивать миссию Меррика в целом, то надо признать: несмотря на то, что ему удалось переиграть представителей Нидерландов на переговорах (это было связано, вероятно, с малой компетентностью посланных в 1615 г. в качестве посредников нидерландцев), ему не удалось вытеснить Соединённые Провинции не только с московского рынка, но даже из Новгорода. Фактически сразу же после возвращения Новгорода под власть Москвы голландец Геррит фан дер Гейден получил привилегию на хлебную торговлю⁷.

К концу 1616 г. численность новгородцев заметно сократилась. Более полутысячи служилых людей бежало в московские станы. Часть служилых людей — дворян, детей боярских и подьячих присягнула королю. Князь Иван Никитич Одоевский умер, его сын князь Иван Иванович застрелился из ружья. Не присягнувшие Густаву Адольфу новгородцы были обложены чрезвычайными платежами. При этом все знали, что нужно выжидать: в Столбове начали готовиться последние решения. 4 января князь Д. И. Мезецкий с товарищами отправили в Новгород грамоту, в которой сообщали, что предварительные соглашения со шведами достигнуты и остаётся

⁶ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладоги. 1616 г., после 9 декабря: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 137—140.

⁷ Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 116. С. CLXXX. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004230282#?page=1> (19.12.2017).

договориться только о размере контрибуции и о принадлежности приграничных городов и погостов. В частности, послы писали, обращаясь к новгородскому митрополиту Исидору:

«И тебе б, великому господину, ноугородцом всяким людем говорити, чтоб они на конце своего многолетнего терпения и скорбей короткими днями не потребили, и были на нашу царскую милость надежны. А как всеильного Бога десница очистит великому государю нашему Великой Новгород и иные города, и милостивой и праведной истинный благочестивый государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец вас всех, которые в неметцких податех оскудели пожалует, велит им в податех и в торговой пошлине дати лготы не на малые годы. И которые люди к неметцким людем приставали, и в том себе опасуютца от царского величества опалы, и оне бы безо всякого опасенья обратилися к царскому величеству, а от неметцких людей отстали и, ничего не остерегаясь и никокова прещения не боясь, были на государскую милость надежны, ничто им то помяновенно не будет, все то будет покрыто царской милостью, и укорять их ничем не велети и велети им житии в любви, а никому никого не обидети и насильства не чинить, а от насильства и утеснения чтоб они на королевское имя не приставали и никуды из Великого Нова города не выходили и жен и детей не высылали и свейскому королю крест не целовали и православные крестьянские веры не отбыли»⁸.

Таким образом, засчитывались все службы, и провозглашался отказ от репрессий. Новгородцы слышали призыв послов. 20 января они отправили из Новгорода, также тайным образом, свою грамоту. В ней, в частности, они умоляли послов ускорить заключение договора, ссылаясь на то, что шведская администрация усиливает давление на них, вымогая последние средства. Вот так они описывали насилие:

«Да грех ради наших дело у вас продлилося, и стало не так, как нам вы приказывали и писали. И все люди истощали и на правежу насмерть побиты, и друг другу помочи не могут, все издалека, которые и нарочитые людцы были, а от прежних всяких податей и от салдатцких денег ништо не убыло, и пришли люди в отчаяние, дати стало нечево, а на правеже муки не перетерпеть. И пошли на их немецкую половину всяких чинов люди и попы и торговые ремесленные люди, прибалося уж болши ста человек, которые были и страдные людцы: Ивантей Сергиев, Офоня Лесовик, Степанко Соболев и прочие таковые не истерпя мучения на правежи бьют челом немцом, а иных силно емлют и тотарских жон везут, которые к государю отъехали, и посадского тяглою

⁸ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617 г., января и февраля: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Л. 41—43.

человека изневолили Ивана Воскобойникова Вязмитина: был в тягле з денги, и Ирик на нем велел правит из гроша сто сорок рублей [приписано сверху: по Томилину наученью], и не истерпя, дал челобитную им, а после тог нам бил челом и челобитную за своею рукою подал, чтоб нам его не выдати, утесня деи надо мной так зделали, а не моим хотеньем. А генваря, господа, в 17 день толмач Ирик Андреев подьячево Григорья Собакина ввечеру взял и держал ево у себя за приставы, и тот вечер перед боярином Карлом Карлусовичем ево ставил, и спрашивал ево: для деи чево ты не готовился ехать и жены соей и детей не отпускаешь в Копорью, а нам деи о том прямо ведомо учинилося, чт ты ехать к нам не хочешь. И он прошал до Монше сроку, и они ему отказали. И на другой ставке перед боярином Ирик ево ставил, бив у себя в хоромех перед Баженом толмачем и ссечь его хотел и накрепко перед боярином допрашивал, едешь ли или нет. И Григорей отказал: не еду деи, потому что по милости Божией меж государей доброе дело мроное постановление учинилося, и о том де писано от третьево князь Ивана Ульяновича к митрополиту и ко всему Священному собору и ко всяким людем, и в договоре крепком у послов то есть: которые русские люди не похотят, и их всяких людей силно не вывозить и жен и детей и животов не грабити и насилства никакова не чинити. И я де ныне государю королю и бояром о том бью челом, чтоб де мне, Грише, пожаловали, дали поволность ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии самодержцу по своей природе. А государь король, будучи подо Псковом, говорил, что он никово силно не держит, и на чем ныне доброе дело свершилося. И боярин Карло ему отказал: нам де тебя не отдаввати [так!] от себя. И в ночи к девятому на десять числу, утесня ево всякими мерами, и взяв ево, Ирик ис Каменного города к нему на двор, и живота его досмотря, з боярским дворецким да з Баженом толмачом да с Томилкою с Присталцовым, и ево велели з женоб и детми пометати в сани и отпустити в Копорью тотчас. Или крест целуй королю и живот твой там тебе отдадут, как ты съедешь к нам. И он деи сказал: век де свой невольное крестное целованье не живет. И в 19 число из утра изневолили его крест себе целовать толмачи Ирик и Бажен втайне, без русских людей. И привед его к крестному целованью того дни после стола ко мне, митрополиту, на собор приехал Карло об нем говорити, что он крест целовал бутто волею. А Григорей нам бил челом, чтоб нам за нево стать, да мочи, господа, нашей нет»⁹.

⁹ Цит. по: *Замятин Г. А.* Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // *Новгородский исторический сборник*. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 368—372.

27 февраля 1617 г. был подписан мир, и послы из Столбова двинулись к Новгороду принимать его «под царскую руку». На Торговой стороне их встречали митрополит Исидор с оставшимися немногочисленными новгородцами. До последнего момента в российском посольском стане сохранялось опасение, что Карл Карлссон Юлленгельм, который должен был передать ключи от кремля, взорвёт «город»¹⁰. Однако шведы ушли, следуя договоренностям. Дьяк Пятой Григорьев, долгие годы возглавлявший новгородский Дворец, представил полный отчет о том, сколько он отдал «его королевско величества кормовщику Ондрею Мунку на немецкие и на русские ратные люди в роздачу сто девятого на десять году июля с шестого на десять числа сентября по первое число сто двадесеть четвертого году». Эта расписка, сохранившаяся в Государственном архиве Швеции, была дана 10 марта 1617 г.¹¹ Начиная процесс приведения к присяге новому царю в Новгороде и Новгородской земле, размежевания новой границы. Обозначились новые политические реалии, уже мирных и долгое время союзных отношений со Швецией.

После заключения мира требовалось провести новую границу между государствами. Она должна была отделить отходившие к Швеции уезды Яма, Копорья, Орешка / Нотеборга от Новгородского и Ладожского уездов, которые сохранялись в составе Московского государства. Во время переговоров сторону условились начать размежевание 1 июня (привязывались к окончанию половодья), но однако вскоре поняли, что подготовительную работу провести к этому сроку не успеть. Решено было встретиться на предполагаемой будущей границе 1 сентября 1617 г. Местом встречи выбрали устье реки Лавы (Лавуи) — там, где она впадала в Ладожское озеро.

Две комиссии — московская во главе с Семёном Жеребцовым и шведская во главе с Йоахимом Берндесом — встретились только в конце октября. Межевание шло непросто. Линия границы устанавливалась, на основании показаний местных жителей, которым отдавалось предпочтение перед документами. Спор возник сразу же: выяснилось, что в Столбове договорились, как разделить землю, но не поделили Ладожское озеро — и начались пререкания, кому должны отойти два пустынных островка Зеленца, неподалеку от устья Лавуи. За осень—зиму 1617—1618 гг. вся будущая межа была пройдена. Московским послам удалось в обход договора примежевать небольшую болотистую местность — район современных деревень Сорчкино, Луги, Пелково в Лужском районе. Границу проводили в условиях военной

¹⁰ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617 г., января и февраля: РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Л. 375—378.

¹¹ Провиантская книга. 1615—1617 гг.: RA. Militaria. 1287: 36.

опасности — неоднократно, услышав о приближении литовского войска, обе комиссии отходили под защиту укреплений. Наконец, 29 марта 1618 г. межевая запись была подписана, в местечке Осиновая Горка — там, где Ивангородская дорога, соединявшая Новгород с Ивангородом, пересекала новую границу.

Вдоль линии границы были установлены межевые ориентиры, обозначавшие новые пределы государств. Это были «границы» на приметных деревьях, ямы, а также камни, на которые наносились специальные знаки. Московская сторона ставила шестиконечный крест, шведская высекала три короны (часто вместо трёх выбивалась одна корона). Границу можно было перейти, но все в округе знали, что нелегальный переход — преступление, и местные власти обязывались возвращать всех тех, кто нарушал новую пограничную черту. Новгород и шведская Нарва стали центрами местных пограничных администраций, новгородские воеводы и нарвские губернаторы должны были регулировать пограничные вопросы.

Что же можно считать основным итогом Столбовского мира? В современном дискурсе памяти крайне часто делается упор на территориальные потери, которые понесло Московское государство. Этот дискурс появился ещё в первые годы после заключения мира, в речах Густава Адольфа на риксдаге 1617 г. (неслучайно уже в 1617 г. сокращённый текст договора был издан в Гамбурге). В то же время в опубликованной более полувека назад монографии И. П. Шаскольского было показано, что экономические статьи Столбовского мирного трактата не ухудшали, а скорее развивали и регламентировали условия Тязвинского мира, на который они опирались¹² (другой вопрос заключается в том, насколько после победоносной для Москвы войны 1590—1593 г. Тязвинский мир был экономически выгоден ей).

Думаю, что территориальные потери — не главный итог Столбовского договора, бывшего важным шагом на пути Московского государства из Смуты. Главное, на мой взгляд — консервативный поворот, приведший к отказу от субъектности регионов и от широкого диалога общества с властью. Однако этот зародившийся в Смуту импульс — от казуса 1605 г. (царствование Дмитрия Самозванца) до проектов 1610-х гг. — не угас окончательно в московской политической культуре, но латентно в ней присутствовал, чтобы неожиданно проявить себя на следующей точке перехода, которая была одновременно излётом московской старинной политической культуры — в политическом творчестве начала 1730 г.

¹² Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 212.

Список литературы

Замятин, Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории / Г. А. Замятин. — Санкт-Петербург : Издательство «Европейский Дом», 2008. — 494 с.

Коваленко, Г. М. Сообщение М. Клементьева: (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) / Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. — Санкт-Петербург, 1992. — Вып. 4 (14). — С. 128—131.

Коваленко, Г. М. Кандидат на престол : Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков / Г. М. Коваленко. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. — 207 с.

Кордт, В. А. Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год / В. А. Кордт // Сборник Русского исторического общества. — Санкт-Петербург, 1902. — Т. 116. — С. III—CCCXLVII. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004230282#?page=1>. — (19.12.2017)

Курбатов, О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г.: Первая победа царя Михаила Фёдоровича / О. А. Курбатов. — Москва : Цейхгауз, 2006. — 50 с.

Шаскольский, И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством / И. П. Шаскольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 215 с.